

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. Что здесь?	9
-------------------------------	---

Часть I

Призрачные иные

1	Сгущение воздуха.....	19
2	Вещи, о которых никогда не следует говорить.....	44
3	Двойник.....	66
4	Люк	87
5	Робот, создающий эффект присутствия	114
6	Я накрываю стол на троих, когда дома только мы с женой ...	129

Часть II

Спутники

7	Орех реальности.....	163
8	Монах-марафонец из Биллингема	181
9	Видеть темноту.....	200
10	Духи.....	233
11	В двух разумах	274
12	То, о чем вы никогда не спрашивали	308
	Благодарности.....	339
	Примечания	343
	Предметно-именной указатель	367

Молодой человек проходит через калитку. Он ощущает,
как дрожь пробегает вдоль позвоночника.
Волоски на коже приподнимаются: от кисти, вверх по руке
и до подбородка. Он не отваживается оглянуться.

Женищина просыпается и рассматривает штору в спальне.
Где-то в доме скрипит дверь.
Она чувствует это. В углу что-то есть.
Смотрит и ждет ее.

В маленьком доме с террасой старик ждет, когда закипит
чайник. Перед ним две чашки. Гость снова здесь, и старик
не знает, зачем и почему.
Он не может вспомнить, как давно тот пьет с ним чай
и сколько здесь пробудет.

ПРЕДИСЛОВИЕ

ЧТО ЗДЕСЬ?

Большинство из нас привыкли к мысли, что у нас есть пять органов чувств. Пять способов знакомиться с окружающим миром, пять способов для восприятия, обучения и открытий. Ощущения со временем могут изменяться — у одних людей постепенно, у других резко. Кто-то может родиться без слуха или зрения, а у кого-то могут возникать ощущения в необычных сочетаниях: для человека с синестезией слова могут быть окрашены в разные цвета, а звуки иметь запахи. Но для большинства людей мир большую часть времени воспринимается с помощью пяти чувств.

В нашем восприятии мира у нас есть близкий союзник — воображение. Некоторые люди могут представлять себе образы и звуки настолько живо и ярко, что кажется, будто те существуют на самом деле. Воображаемый смех друга может прозвучать так, словно тот стоит перед вами. Горы из песков разума могут так же быстро развеяться по ветру, как и возникнуть. Однако внутренняя страна образов кажется чем-то совсем иным, чем мир ощущений и восприятий. Обычно мы сами выбираем то, что предстает перед нашим мысленным взором; мы сами себе режиссеры, скульпторы, архитекторы. Напротив, окружающий мир просто существует,

он реален, каким бы мы его себе ни представляли. Он существует здесь и сейчас, обладает конкретностью и даже надежностью. Мы ощущаем и осознаем этот мир непосредственно; можем слышать его, видеть и осязать. И когда мы отводим взгляд, он все равно никуда не исчезнет.

Мы воспринимаем мир, полагаясь на органы чувств, реагирующие на внешние и внутренние раздражители, хотя связь между внешним миром и нашими ощущениями не всегда прямая. Когда мы сталкиваемся с иллюзиями, в окружающем нас мире происходит совсем не то, что говорят нам органы чувств. В случае галлюцинаций сенсорные переживания возникают при отсутствии внешнего раздражителя — в окружающем мире нет ничего, что мы могли бы воспринять с помощью пяти чувств, пусть даже в искаженном виде.

Что же происходит, когда мы ощущаем что-то, не используя органы чувств? Что происходит, когда мы чувствуем, что кто-то или что-то присутствует рядом с нами, но не можем сказать, каким образом? Безмолвная фигура. Гость. Неуловимое изменение в ощущении окружающего пространства. Что-то или кто-то здесь определенно есть. И если нас спросят, откуда мы это знаем, мы, как бы ни старались, не сможем этого объяснить.

Мы просто знаем. Просто чувствуем.

Это и есть ощущаемое присутствие.

Голос без звука, образ, который нельзя увидеть. Лишь непосредственное восприятие чего-то в пространстве вокруг нас. Это может быть человек, но не всегда. Какое-то животное или даже дух. Что-то еще более пугающее. Единственное, что вы можете о нем знать, — оно присутствует здесь.

Концепция ощущаемого присутствия уже сотни лет волнует ученых, занимающихся философией, историей, антропологией и религией. Но у представителей моей собственной дисциплины — психологии — тема присутствия, можно сказать, в крови. Вопрос о том, что мы можем ощущать за преде-

лами наших пяти чувств, занимал умы самых первых мыслителей и ученых, пытавшихся создать науку о психике. В 1904 г. американский психолог и философ Уильям Джеймс описал этот опыт следующим образом:

Есть, по-видимому, в сознании человека *чувство реальности, ощущение объективного бытия... представление о том, что существует нечто*. Это чувство, более глубокое и более общее, чем всякое другое чувство, согласно выводам современной психологии должно бы считаться непосредственным источником наших откровений... Нередко случается, что галлюцинация не достигает полного развития: человек внезапно ощущает рядом с собой чье-то присутствие, занимающее определенное место в пространстве, существующее в особой неуловимой форме*, реальное в самом полном смысле слова, хотя и невидимое, неслышимое, неосязаемое, недоступное ни одному из органов чувств¹.

Джеймс повествует об ощущении, о котором ему неоднократно рассказывали, в том числе и один из его друзей, переживший подобный опыт несколько раз.

Впервые это новое ощущение я пережил в сентябре 1884 г. Я жил тогда в своей университетской квартире. Однажды ночью, когда я был уже в постели, я испытал очень ясную тактильную галлюцинацию: мне почудилось, что кто-то взял меня за руку; я встал и начал искать, нет ли кого-нибудь постороннего в моей комнате. Но чувство настоящего присутствия невидимого пришло ко мне позже,

* Джеймс У. Многообразие религиозного опыта. Здесь (за исключением последней фразы) и далее — перевод В. Г. Малахиевой-Мирович, М. В. Шик (1910). Курсив Джеймса. — Прим. пер.

одну ночь спустя. Я уже был в постели и погасил свечу. Меня охватило раздумье о пережитом мною в прошлую ночь; вдруг я *почувствовал*, как что-то вошло в мою комнату и остановилось у моей постели. Это продолжалось не больше двух минут. Я познал это без помощи моих обычных чувств; вместе с тем я весь был потрясен особым ощущением невыразимо гнетущего характера. Оно задело во мне глубины моего бытия сильнее, чем обычные восприятия².

Яркие описания, подобные тому, которое приводит в своей книге Джеймс, типичны для многих рассказов об ощущаемом присутствии. Это переживание, выходящее за рамки чувств и вызывающее сильные и необычные эмоции. Когда с людьми происходят такие вещи, кажется, что это бросает вызов многим нашим представлениям о том, как устроены разум, тело и окружающий нас мир.

Эта книга — попытка понять, что такое ощущаемое присутствие. Она начинается с разговора о психозе и о голосе, который может присутствовать без звука и слов. Далее мы познакомимся с тем, что такое эпилепсия, лунатизм и воображаемые друзья, повстречаемся с роботами, медиумами и бесплотными духами. Мы узнаем о драматургах, сошедших с ума от вдыхаемых паров ртути, о ночных гостях, которые могут напугать человека буквально до смерти, и о безмолвной фигуре, способной одним прикосновением остановить сердце.

Если в этой книге и есть главная мысль, то она заключается в следующем. Чтобы понять такое явление, как ощущаемое присутствие (что это такое, почему и у кого возникает), необходимо широко раскинуть сеть, сравнивая самые разные истории о «присутствиях», происходящие как в непосредственной близости от дома, так и далеко за его пределами, за горами и морями, от начала жизни до старости. Столкнувшись с чем-то почти столь же неуловимым, как тень (с какими-то

иллюзиями, порожденными разумом и телом), мы должны рассмотреть предмет нашего исследования во всех возможных аспектах. При таком подходе мы больше узнаем о себе, нежели о чем-либо другом. Ощущаемые присутствия могут поведать нам о том, кто мы такие, что мы ценим и как реагируем на трудности. История о присутствиях — это на самом деле история о нас самих.

* * *

Я психолог, поэтому исхожу из того, что такие переживания, как ощущение присутствия, являются продуктом разума и мозга. Многие книги о мозге обещают очередную поразительную теорию или революционную модель, объясняющую, как работает разум. Эта книга не такая — просто потому, что она не может быть такой. Мой опыт работы в психологии и нейронауке говорит о том, что очень трудно доказать достоверность подобных теорий. События в науке развиваются медленно, эксперименты дают подсказки, но редко — полные ответы. Объяснения предлагаются в виде предварительных гипотез и всегда требуют дальнейших подтверждений. По умолчанию в таких исследованиях принята не уверенность в правоте предположений, а ее противоположность. Неуверенность, неопределенность — и вопросы, ответы на которые ведут к новым вопросам.

Подобная неопределенность характерна для обычных аспектов человеческих переживаний — но особенно это касается ощущаемого присутствия. Неудивительно, что при описании этого феномена люди говорят о шестом чувстве, словно мы находимся в области сверхъестественного. Видеть призраков, читать мысли, иметь глаза на затылке — весь этот опыт не относится к ощущению присутствия, однако все же его нельзя отделить от тех загадочных встреч, которые описывают люди. Ощущаемое присутствие — это тема, которая

заставляет нас исследовать пределы объяснимого. И, как мы увидим далее, порой кажется, что это явление противоречит научным теориям и имеющимся данным.

В связи с этим язык книги является компромиссным. Субъективный опыт каждого человека уникален, у всех есть свои объяснения и интерпретации, и, возможно, люди никогда ни с кем не делились своими переживаниями — действительно, многие из тех, о ком пойдет речь в этой книге, раньше не рассказывали своих историй. Ощущаемое присутствие часто преобразует личность. Я стремился выслушать людей и осмыслить их опыт, передавая его другим на понятном всем языке.

Однако для этого приходится использовать термины, которые кто-то может не знать или посчитать неприемлемыми. Для кого-то проблематичными представляются такие понятия, как психоз или шизофрения, и даже использование слова *галлюцинация* имеет свои подводные камни. Если вы называете чей-то опыт галлюцинацией, значит, вы ставите его под сомнение или считаете патологией; может показаться, что вы отрицаете реальность чужих переживаний.

Тем не менее я использую этот термин в книге, но не делаю этого необдуманно: он необходим, потому что ощущение присутствия — это переживание, которое почти не поддается описанию. Когда люди говорят со мной об этом, они запинаются, словно не могут найти нужных слов перед лицом чего-то, что лежит за пределами их понимания. *Галлюцинация* — это всего лишь одно из слов, используемых для обозначения такого переживания, и в некоторых контекстах это по-прежнему лучший термин, который у нас есть. Концепция галлюцинации предлагает нам путь в лабиринт, первый шаг к пониманию сути присутствия.

Пришло время увидеть, что там находится.

В больничной палате «семья» сидит поодаль и ждет.
Он воспринимает новость без особых эмоций, хотя знает
их реакцию. Слабое утешение, но, по крайней мере, они
здесь. Мужчина, женщина, девочка, мальчик — интересно,
насколько велик их род?

Зимний домик. Среброволосая женщина краем глаза
замечает движение. Вероятно, «он» придвигается к огню.
В комнате тепло — так всегда бывает, когда «он» здесь.

На краю света бородатый мужчина встает с саней, кожа
на его лице обгорела и покрылась волдырями.
Он прислушивается и ждет, затем снова отправляется
в путь.
Один впереди, другой позади. И он сам.

ЧАСТЬ I

Призрачные иные

СГУЩЕНИЕ ВОЗДУХА

Интервью подходит к концу. Мы разговариваем уже больше часа. Я поднимаю глаза от записей и смотрю на молодого человека, сидящего напротив.

— Прежде чем мы закончим, может быть, вы хотите описать что-нибудь упущенное? О чем мы еще не говорили, но должны? — спрашиваю я.

— Да вроде ничего такого. Думаю, мы уже обо всем поговорили, — отвечает он. — То есть если не считать вопроса о присутствии.

— Вопросы о присутствии... — я оглядываюсь и возвращаюсь к своим заметкам.

Он выдерживает паузу в несколько секунд и продолжает:

— Да, когда они тут, я чувствую их. Голоса.

— Что — даже когда они не говорят? — спрашиваю я.

— Да, *тут*, прямо рядом со мной. Как будто кто-то стоит за моей спиной и смотрит через плечо.

Алекс слышит четыре разных голоса, которые не слышат другие люди. Он слышит их, сколько себя помнит. Они разговаривают с ним каждый день. Об этом и идет речь в нашей беседе: как часто он слышит голоса, как они звучат и что он при этом чувствует. Один из голосов раздается почти непре-

рывно. Он кричит, упрашивает, критикует и угрожает; это постоянная угроза в жизни Алекса. Когда я впервые беседовал с этим пациентом почти тремя годами ранее, я спросил его, что говорит голос в данный момент. Голос предлагал Алексу бросить в меня ручки, лежавшие на столе (он не подчинился). Думаю, я тогда легко отделался.

По словам Алекса, голос, который он слышит почти постоянно, раздается совсем рядом — справа за ухом. «Знаете, когда кажется, что за тобой кто-то наблюдает? Примерно так», — объясняет он. Я пытаюсь представить, на что это похоже. Рядом с вами всегда присутствует несколько голосов. Комментируют всё, что вы делаете, оспаривают ваши действия, ваши решения — и даже ваши мысли. На предыдущей неделе другая пациентка сказала мне, что ее голоса похожи на «реальную маленькую банду макемов¹, все время говорящих о тебе». Ей казалось, что они всегда поджидают ее возле дома, что-то замышляя.

— Если они говорят большую часть времени, может быть, вы просто привыкли к их присутствию? — спрашиваю я Алекса. — Словно ждете, что они что-то скажут, даже когда вы их не слышите?

— Ну да, но дело не только в этом, — отвечает он. Алекс делает паузу, обдумывая, как лучше объяснить. — Утром, когда я просыпаюсь, кажется, мне выпадает краткий миг покоя, а потом они заставляют меня вскочить, и я вспоминаю, что они тут.

— И что вы чувствуете при этом?

— Это ужасно, правда. — Он передергивает плечами. — Понимаете, я знаю, что некоторые из них нормальные. Но все равно не хочется, чтобы они были рядом все время. От этого мне просто... *жутковато*.

Я провожу интервью с Алексом уже в третий раз. Он принимает участие в исследовании, которое мы проводим совместно с Национальной службой здравоохранения Вели-

кобритании (NHS), пытаюсь больше узнать о голосах и о том, как они могут меняться со временем в восприятии людей, которые их слышат. Под голосами я имею в виду слуховые вербальные галлюцинации — когда пациенты слышат то, чего не слышат другие (большинство людей обычно ассоциируют такие ощущения с шизофренией). О слуховых галлюцинациях сообщают примерно 75% людей с диагнозом «шизофрения», а в целом голоса в какой-то момент жизни слышат от 5 до 15% взрослых². Последний показатель может удивить, но когда вы начинаете расспрашивать людей о необычных переживаниях, которые они, возможно, испытывали — окрик по имени, ночные видения, странный сон, похожий на предупреждение, — то многие из них могут описать как минимум нечто подобное, а некоторые сталкивались с такими явлениями не один раз. Когда люди рассказывают вам о таких вещах, они зачастую делают это тихо и осторожно. Кто-то просто рад узнать, что он такой не один.

Не все слышат такие голоса, как Алекс. Он пользуется услугами службы раннего вмешательства при психозах (EIP) Национальной системы здравоохранения (NHS), в которую люди обращаются, когда у них впервые начинают проявляться частые признаки психоза. Психоз предполагает отрыв от реальности, когда сложно и даже невозможно отличить реальное от нереального, а ощущение тревоги и дезориентации нарастает многократно. У людей, страдающих психозом, возникают галлюцинации, связанные с различными чувствами — слухом, обонянием, зрением и так далее. Нередко меняется и их мышление: они могут запереться в своем доме или квартире, опасаясь заговора с целью похищения; могут верить, что им что-то имплантировали в мозг, или считать, что мир вокруг них каким-то образом изменился. Навязчивые необычные представления такого рода часто называют *бредом*; довольно часто они сопутствуют галлюцинациям, возникающим у человека в состоянии психоза. Все участники этого

исследования обращаются в EIP, чтобы справиться со своими переживаниями. Тем не менее далеко не всем из них поставлен диагноз «шизофрения», на самом деле у большинства людей на этом этапе такое заболевание не выявлено. Психоз может возникать по разным причинам. Он может развиваться у людей с такими заболеваниями, как биполярное расстройство, депрессия, тревожное расстройство и посттравматическое стрессовое расстройство; его могут спровоцировать наркотики, алкоголь, сильный стресс и недостаток сна.

Когда я впервые встретился с Алексом, он все еще пытался осмыслить тот факт, что слышит голоса. Многие поначалу не понимают, что другие люди могут их не слышать; особенно много времени на осознание этого факта требуется молодым, если это происходит у них уже длительное время. Алексу немного за двадцать, и на мой вопрос он отвечает, что это началось как минимум в начальной школе. По его утверждению, сначала появились два голоса — мужской и женский. Потом голосов стало четыре, но он затрудняется вспомнить, когда именно это произошло. Алекс не может точно сказать, когда понял, что слышит голоса; он стал осознавать это за год или два до нашего первого разговора. Тогда он рассказал об этом родителям, которые встревожились и убедили его пойти к психотерапевту, затем обратиться в кризисную группу, а потом связаться с людьми из службы EIP.

Мы с Алексом встречаемся в старой психиатрической больнице, которая выглядит пугающе готично и странно — буквально последнее место, куда бы вы хотели попасть, если бы оказались в беде. Многие старые здания NHS сейчас проданы под жилье, но это почему-то уцелело. Обстановка внутри более современная и действительно похожа на больничную, но по-своему настораживает и вызывает тревогу. Здесь все обработано моющими средствами, вокруг мебель с закругленными краями, дверные ручки отсутствуют и интерьеры комнат напоминают отсеки космического корабля из сериала «Звезд-

ный путь» 1980-х гг., только без соответствующего оснащения. Алекс не находится тут на стационарном лечении, нам просто удалось получить одну из комнат для работы. Это типичный случай для большинства участников наших исследований: переживания угнетают и мучают их, но в целом они справляются с ними и дома в обычном социальном окружении. В стационарном отделении они оказываются только в том случае, если их состояние резко ухудшается и они не могут сами справиться с этим, находясь вне больницы.

Существует множество стереотипных представлений о голосах в голове, и поэтому люди не торопятся о них рассказывать. Никто не хочет, чтобы его сочли сумасшедшим или опасным. Если кто-то и спрашивает о голосах, то это чаще всего врач, который определяет, как следует работать с пациентом (то есть какие услуги ему предложить), какие лекарства назначить (если они требуются) и нужно ли начинать процесс терапии. В некоторых случаях бывает важно оценить риск самоповреждений или самоубийства. И если время ограничено или контакт с пациентом установить сложно, то стоит отказаться от одних вопросов в пользу других.

Поскольку наши интервью проводятся в рамках научных исследований, при встречах с людьми вроде Алекса я могу позволить себе роскошь не ограничивать себя во времени. Мы даем людям возможность говорить столько, сколько им нужно, и, как правило, задаем больше вопросов о непосредственном субъективном переживании голосов; это иногда называется *внутренней феноменологией пациента*. Я не практикующий врач — я исследователь и преподаватель, получивший психологическое образование, но не обладающий достаточной квалификацией, чтобы определять лечение или назначать лекарства. Моя задача — всего лишь попытаться лучше понять, на что похож этот опыт.

Когда я беседую с Алексом во второй раз, мы обсуждаем некоторые различия между голосами, которые он слышит.

Их по-прежнему четыре, в действительности говорят всего два. Один — сердитый, властный мужской голос; он принадлежит кому-то среднего возраста и звучит почти постоянно. Другой — женский, причем женщина эта чуть старше Алекса и кажется более благожелательной. Она часто спорит с мужским голосом и может защищать моего собеседника от насмешек и обвинений. Впрочем, по словам Алекса, она тоже иногда пытается им манипулировать — и бывает трудно понять, чего она добивается. Эти голоса могут говорить одно, а подразумевать другое; они могут быть саркастичными или неискренними — несмотря на то что в конечном итоге, кроме слов, иных способов воздействия у них нет. Когда я спрашиваю, не напоминают ли эти голоса кого-нибудь из знакомых, Алекс пожимает плечами. Он не раз обсуждал этот вопрос со своим терапевтом, пробовал «примерять» их к разным людям, пытался сопоставлять слова и лица. Но эти голоса не указывают на его прошлую жизнь и людей, с которыми он в ней сталкивался, — во всяком случае, полного совпадения нет. Даже если это и знакомые люди, то они претерпели какую-то глубокую и сложную трансформацию, словно прошли через комнату с кривыми зеркалами.

Также во время второго интервью с Алексом мы обсуждаем более широкую картину: что еще может происходить с ним. До сих пор мы уделяли основное внимание голосам, но важно учитывать, с чем еще может сталкиваться человек в такой ситуации. Когда люди начинают слышать голоса, они пытаются найти объяснения происходящему. Каким образом голоса могут исходить от стен или комментировать мысли? Соседи, технические устройства, шпионы, даже духи — все они становятся возможными кандидатами. Голоса меняют призму, сквозь которую люди смотрят на реальный мир; они объявляют (иногда буквально) о существенных изменениях во Вселенной. Каждый раз, когда они говорят, это напоминает вам, что они сейчас здесь, с вами, и тот мир, который,

как вам казалось, существовал, больше не существует. Они могут предостерегать вас от попыток объяснить это другим: скажут, что это бессмысленно или вызовет у людей тревогу. Лучше держать этот новый мир при себе.

Однако и в этом мире есть лакуны; есть вещи, которые вы по-прежнему не можете объяснить. В этих лакунах — в качестве ответа на такую неопределенность — развиваются новые идеи, которые лучше вписываются в рамки нового мира. Возможно, вам покажется, что голоса могут быть правы и они знают то, чего не знаете вы. Или, возможно, вы сочтете обоснованными какие-то другие свои подозрения и начнете искать в доме жучки и скрытые камеры. Может быть, вам не кажется правильным ни то ни другое объяснение, зато *вы* чувствуете себя как-то иначе, ощущаете, что вы — особенный. Не обязательно в каком-то грандиозном смысле (в клинике EIP меньше мессий, чем можно предположить), но в скромном, едва уловимом проявлении, словно ваш центр тяжести слегка смещен, равновесие нарушено и вас тянет вперед — тревожный намек на побуждение и импульс. Эти голоса здесь ради вас — и вы избранный.

Во время нашей второй встречи Алекс пытается описать подобное ощущение. Это происходит в конце беседы, и он явно не решается поделиться такими переживаниями. Даже после всех разговоров о бесплотных голосах это нечто более личное — что, вероятно, и делает его еще более уязвимым перед возможностью неверного толкования. Наверное, он думает, что его слова покажутся еще более безумными.

Он описывает ощущение, что, помимо всего прочего, кто-то или что-то дергает его за ниточки. Кто-то организует все в его жизни, посылает голоса в ответ на какие-то прегрешения. Все они направлены на достижение определенной цели, которая составляет часть какого-то великого плана или замысла. И Алекс, даже если не вполне смирился с этим, принимает такую идею. Это его успокаивает: по крайней мере, кто-то контролирует ситуацию.

К третьему нашему разговору голоса Алекса не сильно изменились, хотя голос сердитого мужчины теперь стал тише и отдалился. Раньше он время от времени «сверялся» с женским голосом, но теперь это происходит реже. В ответ на мой вопрос Алекс рассказывает, что сейчас он по ощущениям гораздо лучше контролирует происходящее, — мой собеседник связывает это с тесной работой со своим психотерапевтом, клиническим психологом из местной организации NHS.

В конечном итоге мы переходим к обсуждению ощущения присутствия. В конце третьего и последнего интервью в рамках нашего исследования возникла тема голоса, который можно почувствовать, но не услышать. Ранее пациент упоминал об этом вскользь, без подробностей. Втайне я испытываю облегчение, когда он возвращается к этому вопросу в конце разговора: мне хотелось понять эту ситуацию правильно (или, по крайней мере, несколько лучше). В результате мое любопытство разгорается еще больше. Беззвучный голос; присутствие само по себе.

«Лучше всего я могу описать это как “мурашки по коже” — чувствуешь их сзади на шее, — говорит мой собеседник. — Я даже не пытаюсь рассказать об этом во время бесед с психотерапевтом, настолько это странно. Я думал, такого ни у кого нет. Вот узнаешь о том, сколько людей слышат голоса, и это помогает — но все кажется просто странным. Я даже не знаю толком, как это описать».

При этом он качает головой. Как описать голос, если его не слышишь, а лишь ощущаешь его присутствие? Алекс попытался, но было ясно, что он не удовлетворен своим описанием.

Для моего собеседника близость голосов не была комфортной: наличие голоса рядом не похоже на желанное присутствие друга детства или регулярное появление соседа. Это больше походило на явление призрака, какого-то неуправляемого духа, прицепившегося к личности Алекса. Мне было интересно, останется ли такое ощущение присутствия голоса

навсегда. Если голос просто находится рядом, даже когда почти перестал говорить, сохранится ли ощущение, что кто-то здесь есть? Словно этот кто-то постоянно заглядывает вам через плечо или стоит слишком близко?

На этом мы с ним и остановились; это было последнее, о чем он пытался рассказать, помимо всего прочего. Мы перешли от голосов к грандиозным планам и к безмолвному присутствию. Это последнее ощущение было самым тяжелым, самым странным, самым тревожным. Именно здесь слова у Алекса внезапно просто закончились.

На самом деле я уже слышал, как об этом рассказывали раньше.

ДЭНИЕЛ

В конференц-зале светло и просторно. Здесь царит суета; одни люди шумно приветствуют друг друга — они явно знакомы, другие скромно стоят в сторонке и ждут, пока с ними заговорят. Я отношусь к последним и сажусь недалеко от двери, спиной к стене. Напротив меня оказывается молодой человек с аккуратной бородкой и волосами торчком. У него мощные накачанные руки, на стуле он сидит наклонившись вперед, словно готов вскочить в любой момент, а равновесие удерживает лишь кончиками пальцев ног. Как и я, он пока толком ни с кем не разговаривает, только улыбается, здоровается и изредка задает вопросы.

Я преимущественно помалкиваю, потому что я тут новенький. Я провожу научные исследования в рамках постдокторантуры — это часть академической карьеры, которая идет сразу после получения ученой степени, но до перехода на постоянную должность, например преподавателя. Моя диссертация была посвящена аутизму, и я заинтересовался проблемами языка и разума: как мы разговариваем сами с собой и как это

может влиять на наше мышление и психическое здоровье. Поэтому меня заинтриговал новый проект Даремского университета «Слышание голосов» — эта инициатива, финансируемая благотворительным фондом Wellcome Trust, направлена на более глубокое изучение слуховых галлюцинаций. Проект привлек мое внимание тем, что исследования предполагалось вести нетрадиционным способом — опираясь на идеи и методы из разных областей, привлекая не только психологов или психиатров, но и, например, специалистов по философии и религиоведению. В студенческие годы я немного изучал философию, и мне хотелось посмотреть, как это будет работать на практике.

Когда все расселись по местам, первое, что я замечаю, — люди не перемешались. Как школьники на игровой площадке четко разбиваются по ранее сформировавшимся группам, так и мы в этом зале примерно группируемся по дисциплинам: уголок литературоведения, парочка философов, специалист по древней истории рядом с медиевистом. И одинокий молодой человек напротив меня.

«Благодарю и приветствую всех, — говорит организатор. — Мы не будем называть всех участников, но на сегодняшнем заседании я хотел бы отдельно поприветствовать Дэниела. Дэниел приехал из реабилитационного центра Recovery College. Добро пожаловать, Дэниел».

Участники одаривают гостя улыбками, кивками и невнятными приветствиями. Recovery College — это образовательный центр в соседнем городке для людей, которые испытывают проблемы с психическим здоровьем. Дэниел находится здесь с нами, потому что он — слышащий голоса (этот термин предпочитают использовать многие люди, которые слышат голоса в течение долгого времени). Его попросили принять участие в семинаре не в качестве докладчика, а как участника; с докладом сегодня выступает другой человек. Однако Дэниел очень обаятелен и открыт — он с самого начала уча-

ствуем в обсуждении, а также отвечает на все наши неудобные вопросы. Вскоре заседание принимает форму «вопрос-ответ», а Дэниел становится его ведущим.

Тема голосов предполагает множество интерпретаций. В отдельные эпохи и в некоторых культурах такой опыт считался не симптомом болезни, а возможным признаком вдохновения или откровения. Еще в начале XX в. отношение к необычным галлюцинаторным переживаниям было гораздо более неоднозначным, чем сегодня, согласно современным представлениям они в целом считаются патологией. То, как мы думаем о необычных переживаниях, определяется временем, в котором мы живем, поэтому следует рассматривать их не с одной точки зрения. В последнее время представления о слышании голосов — это смешение психиатрии, психотерапии, нейронауки и философии.

Многие люди в зале впервые встретились с человеком, который слышит голоса. У всех к нему разные вопросы. Предчувствует ли Дэниел, когда голоса начнут говорить? Наверняка есть какие-то движения или перемены в окружающем мире, которые предвещают их появление? Воспринимает ли Дэниел голос как персонажа какой-то книги? Может ли он представить его? Какова его предыстория?

Я употребляю единственное число, потому что Дэниел четко понимает, что слышит один главный голос — мужской, по-армейски командный, который комментирует его повседневные мысли и действия. Дэниел не так давно вышел в отставку, и после завершения военной службы его переживания усугубились. Позже я узнал, что он всегда садится, чтобы видеть дверь, как это было и сейчас в конференц-зале. Дэниел может мысленно представить этот голос. Он не уверен, был ли этот образ всегда, или он с ним в какой-то момент познакомился; неясная фигура, вырисовывающаяся из команд и окриков в его голове. Он утверждает, что голос приглядывает за ним, но также критикует и высмеивает —

иногда безжалостно. Он существует так давно, что, по словам Дэниела, его собственные мысли иногда переплетаются с голосом. Бывает трудно понять, кто из них что сказал и кто что подумал.

Дэниел — прирожденный рассказчик. Мы беседуем уже полчаса, может быть, больше, и я вижу, что организатор хочет двигаться дальше. Я мысленно спрашиваю себя, не нужен ли Дэниелу перерыв и стоит ли его так донимать. Любопытство с благими намерениями может пойти слишком далеко, а Дэниел здесь не для того, чтобы становиться объектом исследования. Мои размышления прерываются фразой Дэниела:

Знаете, иногда вам даже не нужно его слышать — иногда вы просто знаете, что он здесь.

Просто здесь. Что это значит? Ни звука, ни образа — он просто присутствует здесь. Дэниел может описать, как, по его мнению, выглядит этот голос — в полном военном облачении, но он не имеет в виду, что видит его таким. Он имеет в виду нечто более базовое, нечто неделимое. Голос, который присутствует здесь, и он только здесь.

Ученые, сидящие в зале, пользуются возможностью и просят разъяснений. Дэниел вежливо и терпеливо отвечает на новые вопросы, а иногда просто пожимает плечами. Это кажется важным — смещение фокуса, изменение параметров. Такое ощущение, что наша тема — голоса — это всего лишь картонный макет или фасад здания на съемочной площадке, а реальный опыт людей, которые их слышат, находится где-то позади, в тени. Одно дело — слышать голос и представлять, как выглядит человек, которому он принадлежит, или прислушиваться в ожидании, что этот голос вот-вот заговорит. Однако голос, или, скорее, *сущность*, присутствие которой можно просто ощутить — не услышать, не вообразить, — кажется чем-то совершенно иным.